

Д.В. Стрельцов*

ЯПОНИЯ МЕЖДУ ВОСТОЧНОАЗИАТСКИМ И ТРАНСТИХООКЕАНСКИМ РЕГИОНАЛИЗМОМ

В статье рассмотрены институциональные аспекты участия Японии в процессах экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Подход японского руководства к указанному вопросу проанализирован с позиций альтернативы между восточноазиатским и транстихоокеанским регионализмом. Особое внимание уделено практическим результатам стратегии Токио по заключению преференциальных торгово-экономических соглашений на двустороннем и многостороннем уровнях, включая формат «Большой тройки» – Японии, Китая и Южной Кореи. Исследована также проблема подключения Японии к Транстихоокеанскому партнерству. Автор приходит к выводу о том, что реализуемая Японией инклюзивная стратегия параллельного развития нескольких форматов экономической интеграции с максимальным числом партнеров укладывается в логику политики «открытого регионализма».

Ключевые слова: Япония, АТР, экономическая интеграция, Восточноазиатское сообщество, «Большая тройка», соглашение об экономическом партнерстве, Транстихоокеанское партнерство, открытый регионализм.

Процесс экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) идет по пути формирования отдельных преференциальных торгово-экономических соглашений с разным составом участников, охватывая как двусторонний уровень, так и уровень отдельных регионов и субрегионов. Ярче всего эти тенденции прослеживаются в Восточноазиатском регионе, где активными участниками интеграционных процессов являются три наиболее развитые экономики – Китай, Южная Корея и Япония, страны АСЕАН, Индия и примыкающие к региону неазиатские государства, связанные с ним экономически, – Австралия и Новая Зеландия. В профильной литературе закрепился термин «Большая Восточная Азия» [4], который имеет не географический, а, скорее, геоэкономический смысл, обозначая складывание в данном регионе широкого комплекса торговых, инвестиционных, логистических, миграционных и иных экономических связей.

Вопрос о том, по какому пути пойдет в дальнейшем экономическая интеграция в АТР, какие ее форматы и с каким составом

* Стрельцов Дмитрий Викторович – д.и.н., заведующий кафедрой востоковедения МГИМО-Университета, председатель Ассоциации японоведов (e-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru).

участников станут ключевыми, а также к каким результатам она приведет, остается на сегодняшний день нерешенным. В регионе подписано несколько десятков соглашений о свободной торговле и соглашений об экономическом партнерстве, которые способствовали формированию не только двусторонних, но и многосторонних зон с преференциальными условиями внешнеэкономической деятельности. Между тем сформировавшиеся в конце 1990-х – начале 2000-х годов блоки «АСЕАН + 3» и «АСЕАН + 6», представлявшие по многим признакам зародыши общерегиональной «зоны свободной торговли», так и не привели к созданию в Восточной Азии действенных интеграционных механизмов.

Значительную роль в этом сыграли причины идеологического характера. В первой половине 2000-х годов многие видели в процессе развития региональной интеграции преимущественно политическую подоплеку, а именно – соперничество между Китаем и Японией за лидерство, их стремление занимать ключевые позиции в формировавшихся интеграционных структурах. В середине 2000-х годов в число претендентов на роль лидеров вошли также Австралия и США, которые активно продвигали собственные проекты интеграционного строительства. В результате развернулась борьба концепций и теоретических моделей, особое место среди которых занимали японская концепция «Восточноазиатского сообщества», австралийская концепция «Тихоокеанского сообщества» и американская концепция «зоны свободной торговли АТР». Ни одна из этих моделей не имела шансов на практическое воплощение, во многом по той причине, что они по-разному интерпретировались странами региона, каждая из которых имела собственное видение состава, организационной основы и принципов работы подобной группировки. Характерным примером идеологизированного восприятия процесса экономической интеграции является широко распространенная интерпретация факта присоединения в 2010 г. к формату «АСЕАН + 6» России и США как проявления процесса институционализации нового биполярного мира, в котором противостоят друг другу Соединенные Штаты и Китай.

Между тем в АТР уже активно происходит развитие экономических связей между странами по обе стороны Тихого океана, что позволяет говорить о складывании транстихоокеанской альтернативы восточноазиатскому регионализму. В 2005 г. четырем государствам бассейна Тихого океана – Сингапуром, Брунеем, Новой Зеландией и Чили – было подписано соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТПП). Страны-подписанты провозгласили цель полностью либерализовать в течение 10 лет все таможенные пошлины, устранить нетарифные ограничения, обеспечить общность государственной политики в сфере инвестиционного зако-

нодательства, трудовых отношений, интеллектуальной собственности, госзакупок, защиты окружающей среды и т.д.

В 2010 г. после начала переговоров о присоединении к партнерству США, Австралии, Малайзии, Перу и Вьетнама число потенциальных участников соглашения достигло девяти. Были согласованы позиции по поводу общего понимания перспектив развития ТТП. Данный формат стали позиционировать в качестве первого крупного шага на пути к созданию всеобъемлющей зоны свободной торговли Азиатско-Тихоокеанского региона (ЗСТ АТР), концепцию которой активно продвигают Соединенные Штаты.

Особое значение для дальнейшей судьбы экономической интеграции в АТР имеет позиция Японии — одной из крупнейших экономик региона. Однако определение своего отношения к организационным аспектам данного процесса представляет для Токио нелегкую задачу.

С учетом того обстоятельства, что более половины ВВП страны по-прежнему обеспечивается за счет экспорта, общее состояние японской экономики во многом зависит от наличия преференциальных механизмов в сфере внешней торговли. Интерес Японии к многосторонним форматам экономической интеграции определяется необходимостью обеспечить себе стабильные источники роста — задачей, стоящей перед страной на протяжении двух десятилетий экономической стагнации. Провозглашенная правительством политика переориентации преимущественно на внутренний спрос так и не привела к осязаемым результатам: по-прежнему ключевым источником роста выступает внешнеэкономическая деятельность. В этих условиях магистральный путь к стабилизации экономической и финансовой ситуации в стране лежит через использование возможностей международной интеграции. От того, по какому пути пойдет этот процесс в АТР, будут зависеть состояние японской экономики и благосостояние страны в целом.

Активное участие в экономической интеграции в АТР приобрело для Японии характер категорического императива. Она была и остается государством, которое экономически привязано к странам, расположенным по обеим сторонам Тихого океана, и к тому же сохраняет высокую степень зависимости от внешнеэкономических связей с регионом. Большую роль в мотивации Токио играет также потребность в создании благоприятного климата для развития систем логистической кооперации в АТР, в рамках которых различные стадии производственного процесса оказываются разбросанными по отдельным странам, где сложились наилучшие условия для их размещения. Центральное место во взаимоотношениях Японии с государствами региона стала занимать не торговая, а инвестиционная составляющая, что было связано с трансформа-

цией модели экономического сотрудничества. Как отмечал профессор университета Эмори Р. Донер, «Япония, мотивированная логикой зарубежной инвестиционной политики, двигалась от межотраслевой модели поставок сырья и экспорта готовой промышленной продукции в сторону производства готовой продукции для защищенных зарубежных рынков и, наконец, пришла к инвестициям, основанным в большей степени на производственных, чем на рыночных соображениях» [28, р. 200].

Кроме того, в контексте резкого увеличения ресурсных потребностей Индии, Китая и других активно развивающихся экономик АТР Японии необходимо создать стабильную систему обеспечения сырьем и материалами. Эффективные координационные механизмы требуются Токио и для решения таких задач, как борьба с терроризмом и морским пиратством, обеспечение безопасности морских коммуникаций, через которые Япония получает значительную часть своих энергоносителей, раннее оповещение о цунами и ликвидация последствий стихийных бедствий, защита окружающей среды и т.д.

Представление о дальнейших путях участия Японии в азиатско-тихоокеанской экономической интеграции в виде некой «развилки», когда есть выбор между преимущественно «восточноазиатским» и «транстихоокеанским» направлениями, очевидно, является умозрительным. Ясно, что интеграционные процессы идут по различным направлениям и носят комплексный характер, поэтому совершенно не обязательно какой-то путь станет доминирующим. Для страны важны как транстихоокеанские связи, в основе которых лежат торгово-экономические отношения с США, так и восточноазиатские, где преобладающее значение имеет сотрудничество с Китаем — самым крупным внешнеторговым партнером страны, а также с государствами ЮВА, Австралией, Новой Зеландией и Индией, активно участвующими в экономической жизни региона и ставшими частью Большой Восточной Азии.

И все же, говоря об определенной степени условности обозначенного выбора, следует признать, что рассмотрение вопроса о подходе Японии к региональной интеграции в плоскости дилеммы между восточноазиатским и транстихоокеанским регионализмом может быть достаточно плодотворным.

Восточноазиатский вектор интеграционной стратегии Японии

Восточная Азия традиционно занимает особое место не только во внешнеэкономических связях Японии, но и в ее внешней политике в целом. Именно через активную дипломатию в регионе страна реализовывала в послевоенный период стратегию повышения

своего международного авторитета, обеспечивая ее экономическое наполнение путем наращивания своего вклада в программы Официальной помощи развитию, а политическое – за счет участия в миротворческих операциях, направленных на урегулирование конфликтных ситуаций. Именно в Восточной Азии расположены важнейшие внешнеэкономические партнеры Японии – Китай, Южная Корея, Таиланд, Малайзия, Сингапур, Тайвань. Вовлекая страны региона в орбиту своей внешнеэкономической стратегии, Токио преследовал двоякую цель: постепенно устранять негативный для Японии комплекс исторической памяти, связанный с периодом Второй мировой войны, и создавать наиболее комфортный режим для японских корпораций, которые увеличивали свои инвестиции в страны Восточной и Юго-Восточной Азии.

Японская политика восточноазиатского регионализма традиционно была основана на критическом осмыслении довоенного опыта, когда Токио провозгласил идею формирования «Великой восточноазиатской сферы процветания», состоявшей исключительно из азиатских стран. С 1960-х годов Япония постоянно выступала за открытый подход к региональной политике, разрабатывая его применительно к Азиатско-Тихоокеанскому региону в целом, включая США, Австралию и другие страны [19, с. 136]. Одновременно она демонстрировала сдержанное отношение к форматам международного экономического сотрудничества в Восточной Азии без участия Соединенных Штатов, бывших ее стратегическим союзником, например к предложенной в 1990–1991 гг. Малайзией идее о формировании экономического блока в данном регионе.

Подход Токио к восточноазиатской экономической интеграции получил в начале 2000-х годов оформление в виде доктрины «открытого регионализма», нашедшей отражение в официальных документах. Суть ее заключается в том, что региональное сотрудничество между восточноазиатскими странами необходимо осуществлять в целях предотвращения регионального сепаратизма, т.е. с упором на интересы глобального экономического партнерства. В этой связи двери в «дом» восточноазиатской интеграции должны быть открыты для самого широкого круга участников, включая периферийные с географической точки зрения страны. В январе 2002 г. японский премьер-министр в своей «сингапурской речи», получившей известность как «доктрина Коидзуми», выдвинул идею «расширенного Восточноазиатского сообщества», выразив надежду на то, что в его центре «встанут Япония, страны АСЕАН, Китай, Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия» [2, 04.12.2005]. На принципах «открытого регионализма» была основана и идея Восточноазиатского сообщества, которую выдвинул

Ю. Хатояма — первый глава кабинета Демократической партии, сменившей у власти Либерально-демократическую после убедительной победы на выборах в 2009 г.

На протяжении двух последних десятилетий Токио рассматривал и продолжает рассматривать азиатскую интеграцию как наиболее приемлемую для себя (с учетом географической близости и наличия позитивного багажа экономического сотрудничества) форму стимулирования национальной экономики. Курс на приоритетное использование преимуществ Азии как центра мирового экономического роста имеет для Японии исключительное значение и с точки зрения необходимости придания нового импульса развитию страны в связи с катастрофическими последствиями «тройного бедствия» 11 марта 2011 г.

Однако, декларируя на словах приверженность идеалам свободной торговли, Токио предпочитал продолжать протекционистскую политику и воздерживаться от серьезных обязательств по устранению тарифов и нетарифных ограничений. Достаточно поздно — лишь в 2002 г. — Япония приступила к практике заключения преференциальных торговых соглашений с отдельными государствами региона и занимала длительное время крайне осторожную позицию по вопросу об участии в многосторонних форматах. Страна заключила такие соглашения с Сингапуром (в силе с 2002 г.), Малайзией (в силе с 2006 г.), Таиландом (в силе с 2007 г.), Филиппинами (в силе с 2008 г.), Индонезией (в силе с 2008 г.), Брунеем (в силе с 2008 г.), Вьетнамом (в силе с 2009 г.). Кроме того, Японией подписан ряд двусторонних соглашений со странами, расположенными за пределами Восточной Азии: Мексикой (в силе с 2005 г.), Чили (принято в 2007 г.), Швейцарией (в силе с 2009 г.). С Перу и Австралией Токио ведет по данному вопросу переговоры.

Основной проблемой для Японии при заключении подобных соглашений стал низкий уровень международной конкурентоспособности национальной сельхозпродукции. Полная либерализация тарифов привела бы к снижению внутренних цен на продовольственные товары и, таким образом, серьезно ударила бы по интересам фермеров. Между тем в силу особенностей японской избирательной системы аграрный сектор является важнейшей опорой партии власти и представлен мощными лоббистскими структурами в правительстве, самая крупная из которых — Министерство сельского, лесного хозяйства и водного промысла.

На этом фоне с каждым партнером по переговорам Японии приходилось вести долгий торг по отдельным позициям номенклатуры сельхозпродукции. Например, Филиппины настаивали на отмене таможенных тарифов и увеличении квот на импорт бананов и иных фруктов, Таиланд добивался того же применительно к рису, куряти-

не и сахару. В результате официальному Токио приходилось идти по нелегкому пути компромиссов и уступок, проводя сложную согласовательную работу с собственными «группами по интересам».

Не отвечают международным стандартам и многие действующие в Японии регулирующие нормы в социальной сфере, включая здравоохранение, трудовые отношения и пенсионную систему. Крайне чувствительным является вопрос об открытии японского рынка труда для стран Восточноазиатского региона. Токио традиционно занимает жесткую позицию в отношении иностранной рабочей силы, признавая прием на работу лишь высококвалифицированных кадров. Например, в ходе переговоров с отдельными государствами Юго-Восточной Азии японской стороне пришлось столкнуться с требованиями о либерализации иммиграционного законодательства и признании права этих стран поставлять в Японию специфические категории трудовых мигрантов. Так, Филиппины добивались, чтобы Токио дал возможность работать в Японии медицинским сестрам, Таиланд требовал свободного въезда в страну для своих специалистов по массажу. В конечном счете Япония, будучи заинтересованной в заключении преференциального соглашения, признала возможность приема у себя подобных специалистов при условии прохождения ими языковой подготовки и сдачи соответствующих экзаменов.

Существенно осложняет ситуацию отсутствие слаженности в работе различных ведомств, позиции которых зачастую не просто не совпадали, а были диаметрально противоположными. Профессор университета Рицумейкан Х. Ёсимацу отмечал: «Японское правительство не смогло сформулировать и реализовать комплексную и последовательную внешнеэкономическую политику в значительной степени по причине соперничества и разобщенности в работе отдельных министерств и ведомств» [25, р. 98]. Например, Министерство сельского, лесного хозяйства и водного промысла, являясь лоббистом аграрного сектора, традиционно выступает против отмены тарифов, тогда как Министерство экономики, торговли и промышленности, выражающее интересы крупных предприятий — экспортеров готовой продукции, и Министерство иностранных дел, заинтересованное в укреплении глобальной системы мировой торговли, — за полную либерализацию национальных рынков. Положение может исправить лишь политическая воля руководства страны. Именно эффективное политическое лидерство, по мнению доцента университета Васэда К. Покарьера, «обеспечивает стимул для межведомственной координации и стратегического планирования» [25, р. 128]. В период правления кабинетов Дз. Коидзуми (2001–2006) созданные по личной инициативе премьер-министра межведомственные органы координации внешне-

экономической политики позволили сломать секционализм ведомств и добиться подписания преференциальных соглашений. Однако при последующих кабинетах этот процесс замедлился, во многом по причине шаткости внутривластных позиций их лидеров.

Можно заключить, что Япония, хотя и заинтересована в либерализации внешней торговли как член международных экономических организаций и экспортер готовой промышленной продукции, неизменно занимает половинчатую позицию там, где требуется взять на себя конкретные обязательства по открытию рынков. Токио предпочитает воздерживаться от заключения преференциальных торговых соглашений с развитыми странами (исключением стало лишь соглашение о свободной торговле со Швейцарией 2009 г.), а также с крупными экспортерами сельхозпродукции. Неслучайно ее партнерами по экономической интеграции не являются ни США, ни Австралия, ни Новая Зеландия – государства, из которых Япония получает многие ключевые виды продовольствия. Как можно видеть из списка вступивших в силу договоров, Токио предпочитает подписывать подобные документы с развивающимися странами, прежде всего из Восточной Азии. При этом обращает на себя внимание тот факт, что Япония отдает предпочтение не соглашениям о свободной торговле (ССТ) – наиболее распространенному в мире формату сотрудничества, а соглашениям об экономическом партнерстве (СЭП). Отличие последних от ССТ заключается в том, что в дополнение к тарифному регулированию объектами договора являются услуги, инвестиционная и миграционная политика, государственные закупки, вопросы интеллектуальной собственности и прочие аспекты, непосредственно не связанные с движением товаров.

При подходе к подобным соглашениям Япония ставит во главу угла высокую степень детализации, настаивая, например, на том, чтобы в них были подробно прописаны методика определения страны – производителя товарной продукции, юридические механизмы обеспечения прав инвесторов, вопросы защиты интеллектуальной собственности. Особое значение придается также конкретным мерам по наращиванию потенциала стран-партнеров в развитии человеческих ресурсов, укреплению малого и среднего бизнеса, осуществлению проектов технологического сотрудничества, улучшению делового климата и т.д. Успешная реализация этих мер, по мнению Токио, позволит увеличить инвестиции в государства региона и обеспечить больший комфорт для действующих там японских компаний.

Вместе с тем финансово-экономическое и технологическое содействие, оказываемое Японией восточноазиатским странам по

СЭП, объективно выступает как форма компенсации ее неготовности идти на полноценную либерализацию внутреннего рынка сельхозпродукции. Кроме того, ощущение некой незавершенности и половинчатости этих соглашений усиливается тем фактом, что положения СЭП носят добровольный характер и не налагают на своих участников жестких юридических обязательств. Не содержат заключаемые Токио СЭП и никаких отсылок к реализуемым страной программам помощи развитию, что предоставляет ей дополнительные возможности для маневрирования [30, р. 304]. Что касается государств – партнеров Японии, то для них основным мотивом является ожидание преференциальных выгод от такого экономического сотрудничества в форме финансовой помощи, инвестиций и технологического содействия [23].

По вопросу о подписании многосторонних ССТ, предусматривающих либерализацию внутреннего рынка, Япония занимает гораздо более пассивную по сравнению с форматом двусторонних соглашений позицию. Во многом это связано с тем обстоятельством, что практическая политика Токио по отношению к строительству интеграционных форматов в Восточной Азии в значительной мере формировалась под влиянием геополитических соображений. Особенно это стало заметно после азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., когда страна по согласованию с Вашингтоном подключилась к процессу институционализации экономической интеграции в регионе. Главная мотивация Токио заключалась в том, чтобы не оказаться позади Китая и сохранить свое влияние в АТР.

Первым партнером Токио в деле подписания многостороннего ССТ в Восточной Азии стал блок АСЕАН, переговоры с которым Япония начала под влиянием заключения в 2001 г. подобного соглашения между АСЕАН и Китаем. При этом руководство страны стремилось нащупать такой формат партнерства, который бы не просто стимулировал количественный рост внешней торговли, но и побуждал членов АСЕАН к улучшению инвестиционного климата и обеспечению прихода на свои рынки более масштабных японских инвестиций. Позиция Токио состояла в том, что соглашение с АСЕАН должно охватывать как тарифы на материальную продукцию, так и вопросы, касающиеся сферы услуг, инвестиций и рабочей силы. СЭП было подписано только в 2007 г., а вступило в силу в 2009 г. Наибольшие трудности при его обсуждении вызвали такие моменты, как методы определения страны происхождения товарной продукции, торговые тарифы, вопросы регулирования торговли услугами, инвестиционной политики, государственных закупок и т.д.

Для стран АСЕАН участие Японии в региональных экономических интеграционных процессах представляло большой интерес

по той причине, что она является их крупнейшим внешнеэкономическим партнером и донором многих программ помощи развитию, особенно в сфере инфраструктуры. Свою роль играло и стремление сбалансировать крен в сторону Китая, образовавшийся после подписания с ним ССТ. Китайскую экономическую экспансию в большинстве асеановских столиц воспринимают с настороженностью как по политическим соображениям (опасения по поводу гегемонистских устремлений Пекина и неприятие авторитарного характера китайской политической системы), так и по экономическим (нежелание находиться в чрезмерной зависимости от китайского капитала). Для многих государств – членов АСЕАН Япония представляет собой более привлекательную экономическую и политическую модель.

Со второй половины 1990-х годов страна принимала активное участие в создании региональной группировки «АСЕАН + 3», а затем взяла инициативу по формированию альтернативного формата «АСЕАН + 6», институционализировавшегося в 2005 г. в виде многостороннего форума лидеров стран Восточной Азии (Восточно-азиатского саммита).

На политику Японии оказывала влияние ситуация «новой bipolarности», для которой характерно усиление геополитического и геостратегического соперничества между США и их союзниками, с одной стороны, и Китаем, пытающимся сплотить вокруг себя страны региона, недовольные однополярностью и американоцентризмом нынешнего мирового порядка, – с другой. В этом контексте Япония выступала представителем западного блока и добивалась привлечения в число участников интеграционных группировок тех стран, которые способны, по ее мнению, политически и экономически противостоять усилению позиций Китая в регионе. Однако, как отмечал профессор Массачусетского технологического института Р. Самуэлс, «несмотря на несколько выдвинутых ею инициатив по заключению двусторонних ССТ, Япония отказалась от идеи прямого соперничества с Пекином. Соперничество, скорее, разворачивается в рамках многосторонних институтов» [29, p. 165].

Для того чтобы не допустить чрезмерного влияния Китая, Япония, основываясь на позиции «открытого регионализма», заняла активную позицию по вовлечению в форматы экономической интеграции периферийных стран региона, причисляемых к «демократическим». Токио взял курс на максимальное расширение круга участников за счет государств, признаваемых Белым домом «дружественными». В июле 2005 г. на встрече министров иностранных дел «АСЕАН + 3» в Лаосе во многом по инициативе японской стороны было принято решение пригласить к участию в Восточ-

ноазиатском саммите Индию, Австралию и Новую Зеландию, в результате чего завершилось формирование блока «АСЕАН + 6». В начале апреля 2006 г. Токио выступил с инициативой о создании многосторонней зоны свободной торговли из 16 стран, включая помимо самой Японии 10 членов АСЕАН, а также Австралию, Новую Зеландию, Китай, Южную Корею и Индию («инициатива Никай» — по имени предложившего ее министра внешней торговли и промышленности). Ситуация «новой биполярности» получила отражение во внешнеполитических приоритетах Токио и в форме концепции «Дуги свободы и процветания», выдвинутой в ноябре 2006 г. японским министром иностранных дел Т. Асо.

В 2009 г. после прихода в Японии к власти правительства Демократической партии глава нового кабинета Ю. Хатояма выступил с концепцией «Восточноазиатского сообщества», согласно которой страна в своих экономических связях должна отдавать приоритет государствам Восточной Азии. В выступлениях главы японского правительства концепция не была детально конкретизирована, но, по мнению большинства экспертов, речь шла об углублении сотрудничества между региональными акторами в валютно-финансовой области, устранении тарифных барьеров, создании либерального режима перемещения рабочей силы, улучшении инвестиционного климата, а также решении специфически острых для Восточной Азии проблем, например проблемы интеллектуальной собственности. Именно успехи в этом направлении, по мнению японской стороны, должны заложить прочный фундамент под здание сообщества.

Большую активность Токио проявлял в отношении сотрудничества стран региона в валютно-финансовой сфере. Его позиция заключается в том, что налаживание взаимодействия восточноазиатских государств в этом направлении — важнейшее условие для дальнейшей реализации намеченных интеграционных планов. В свете уроков финансового кризиса 1997—1998 гг. при активном участии Японии в регионе были разработаны эффективные координационные механизмы в области финансового сотрудничества. В начале 2000-х годов в Восточной Азии была запущена система взаимного предоставления кредитов для валютных интервенций в целях поддержания курса национальной валюты (Чиангмайская инициатива), сформирован межнациональный рынок кредитных услуг для корпоративного сектора. Токио во многих случаях сознательно шел на асимметричный формат двусторонних и многосторонних договоренностей (в большинстве своп-соглашений право заимствований распространяется только на страну — партнера Японии). Проводником японской политики в сфере валютно-финансовой интеграции в Восточной Азии выступает Азиатский банк

развития (АБР), в котором Япония является крупнейшим донором. К настоящему времени был сформирован стабилизационный фонд объемом в 120 млрд долл., позволяющий странам региона чувствовать себя гораздо более уверенно перед лицом глобального финансового кризиса и валютных затруднений в Европе.

Вместе с тем процесс формирования зоны свободной торговли Восточноазиатского региона под эгидой «АСЕАН + 3» и «АСЕАН + 6» остается неопределенным с точки зрения его дальнейших перспектив. На этом фоне на повестку дня со второй половины 2000-х годов вышла тема создания ЗСТ с участием «Большой тройки» – крупнейших экономик стран Северо-Восточной Азии в лице Китая, Японии и Южной Кореи.

Следует отметить, что на двустороннем уровне процесс либерализации торгово-экономических связей с партнерами по «тройке» у Японии был нелегким. С Южной Кореей переговоры о ЗСТ начались еще в 1998 г. и проходили несколько лет без видимого результата. Проблема для Японии заключается в том, что открытие рынка морепродуктов для дешевой корейской продукции нанесло бы сильный удар по интересам японских рыбопромышленников. Для Сеула, в свою очередь, ЗСТ с Японией, по его мнению, таит большие экономические риски, связанные с наличием хронического дефицита взаимного торгового баланса, обусловленного тем, что основу японского экспорта в эту страну составляют товары с высокой добавленной стоимостью и машинотехническая продукция. От своего партнера по переговорам Сеул требовал реформировать систему государственных закупок, устранить нетарифные барьеры в торговле, сделать более прозрачным процесс принятия административных решений. Кроме того, Южная Корея выступает за отмену визовой системы в отношении своих граждан, приезжающих в Японию на короткие сроки, т.е. приравнивание их статуса к гражданам США и ЕС. В ноябре 2004 г. переговорный процесс окончательно зашел в тупик. Лишь в августе 2010 г. стороны пришли к выводу о необходимости возобновления рабочих контактов по данному вопросу [2, 20.08.2010]. Реальные же подвижки в этой сфере произошли в результате визита премьер-министра Японии Ё. Нода в Сеул в октябре 2011 г., в ходе которого было решено возобновить рабочие переговоры по вопросу о двустороннем ССТ [24, 22.10.2011].

Что касается Китая, то Япония относится к возможности ССТ с ним на двусторонней основе с большой осторожностью. В пользу соглашения выступает значительная часть японских деловых кругов, имеющих экономические интересы в Китае, который является крупнейшим объектом приложения японских инвестиций. Такой договор, по их мнению, позволил бы решить болезненные для

Японии вопросы интеллектуальной собственности, зафиксировать условия гарантий для инвесторов, обеспечить необходимую транспарентность и предсказуемость административных решений. Однако Токио до настоящего времени воздерживался от конкретных шагов в данном направлении. Позиция его заключалась в том, что Китай должен сначала в полной мере продемонстрировать способность соблюдать свои обязательства в рамках ВТО. На эту позицию оказывают существенное влияние политические и военные соображения, среди которых особое место занимают вопросы, связанные с военным подъемом Китая и создаваемой им угрозой для национальной безопасности Японии.

В целом можно констатировать, что в отношениях на двустороннем уровне рациональная логика экономической целесообразности, предполагающая, что устранение административных барьеров в торговле должно происходить в первую очередь для ключевых торговых партнеров, не работает. Особенно наглядно это проявляется в ситуации с Китаем, с которым у Японии наиболее крупный объем товарооборота (для КНР Япония занимает в списке торговых партнеров четвертое место). Свою роль при этом играет сохранение серьезных политических проблем в двусторонних взаимоотношениях, прежде всего проблем исторического прошлого, нерешенных территориальных споров, а также неблагоприятной для инвестиционного сотрудничества внутривосточной обстановки, связанной, в частности, с ростом националистических настроений в Китае, зачастую имеющих антияпонскую направленность.

Вместе с тем на фоне застоя на двустороннем уровне движение в сторону трехстороннего сотрудничества парадоксальным образом обрело определенный динамизм. Именно в таком формате, по мнению многих экспертов, у Японии появляется возможность решить многие delicate экономические вопросы, обсуждение которых на двустороннем уровне продвинуть крайне сложно.

Сближению подходов государств по вопросу о трехсторонней ЗСТ в немалой степени способствует и достигнутая степень институционализации контактов в рамках «Большой тройки». Уже с 2008 г. страны проводят ежегодные саммиты, на которых были приняты важные программные документы, включая Программу сотрудничества на 10 лет. Решено открыть в Сеуле Секретариат по трехстороннему сотрудничеству. При этом многое было сделано на уровне деловых кругов, контакты которых друг с другом предваряли межправительственные связи. Например, в июне 2011 г. участники прошедшего в Сеуле трехстороннего форума по содействию региональной интеграции пришли к важному выводу о том, что трехсторонняя ЗСТ является экономически более эффективной и выгодной всем трем государствам по сравнению с двусторонними форматами.

В рамках подготовки к переговорному процессу было проведено 18 рабочих встреч на уровне министров, организовано несколько межправительственных диалоговых форматов. Первоначально в качестве «пилотных» были отобраны такие отрасли, не требующие больших усилий по согласованию тарифов и стандартов, как туризм, культура и образование [32].

На очередном саммите «Большой тройки» в мае 2012 г. в Пекине лидеры Японии, Китая и Южной Кореи подписали соглашение о трехстороннем регулировании инвестиций. В ходе обсуждения были одобрены механизмы конвертируемости национальных валют и подтверждена готовность сторон содействовать взаимному обмену инвестициями. Российский эксперт С. Сулина считает, что Япония желала бы сразу начать с региональной валютной интеграции, поскольку это послужило бы импульсом для оживления роста японской экономики [18].

Тот факт, что объектом соглашения стали именно инвестиции, а не тарифы, свидетельствовал в какой-то степени о дипломатической победе Японии, заинтересованной в первую очередь в юридических гарантиях прав национальных компаний, действующих на китайском рынке. Китай длительное время выступал против стандартного для таких соглашений положения о юридическом равноправии национальных и зарубежных инвесторов. Уступки, на которые пошла китайская сторона, многие связывают с тем, что позицию Японии поддержала Южная Корея – основной зарубежный инвестор в КНР.

Одновременно на саммите было решено начать в течение 2012 г. переговоры о создании Восточноазиатской зоны свободной торговли. Если такое соглашение будет подписано, оно станет крупнейшим в мире, охватывая страны с общей численностью населения 1,5 млрд человек и совокупным объемом ВВП 15 трлн долл. (около 20% мирового ВВП). По оценкам Министерства экономики, торговли и промышленности Японии, трехсторонняя ЗСТ позволит ее участникам – Японии, Китаю и Южной Корее – увеличить свои ВВП на 0,3, 0,4 и 2,8% соответственно [12, 12.05.2012]. Подписание трехстороннего ССТ не только поможет заложить основы под фундамент экономической интеграции в Восточной Азии, но и будет способствовать установлению мира и укреплению доверия в регионе.

Транстихоокеанский регионализм: «за» и «против»

Вопрос об отношении к участию в Транстихоокеанском партнерстве встал перед Токио в практической плоскости после присоединения в 2008 г. к переговорному процессу США. В Японии

ТТП с самого начала воспринимали неоднозначно, однако в октябре 2010 г. премьер-министр Н. Кан заявил о необходимости выработки курса страны в направлении экономической интеграции с государствами АТР, учитывая тенденцию к формированию всеобъемлющей зоны свободной торговли в регионе [6]. Принятым в ноябре 2010 г. Комиссией МИД Японии по комплексным соглашениям об экономическом партнерстве программным документом поставлена задача «начать консультации со странами – участниками ТТП, предпринимая энергичные меры по улучшению внутренних условий» (для вступления в партнерство. – Д.С.) [27].

В Токио стали рассматривать ТТП как новый импульс для развития, основанного на углублении интеграции с партнерами по соглашению, расположенными по обе стороны океана. Наибольшее значение с этой точки зрения имеет появляющаяся в рамках данной группировки возможность урегулировать самые болезненные для Японии во взаимоотношениях с государствами региона вопросы, связанные с торговлей услугами и интеллектуальной собственностью. Кроме того, японское руководство надеется, что совместная выработка участниками ТТП стандартов предоставления медицинских, почтовых и финансовых услуг, а также экологических стандартов и стандартов безопасности продуктов питания может быть полезной для самой Японии. Последнее обстоятельство приобрело особое значение в свете необходимости координации международной помощи по ликвидации последствий аварии на АЭС «Фукусима-1».

После событий 11 марта 2011 г. многие в Японии скептически оценивали перспективу вступления страны в ТТП. Помимо традиционных опасений по поводу интересов собственных фермеров большую озабоченность вызывала возможность запрета на импорт японских продовольственных товаров в связи с опасностью радиационной угрозы. Однако 11 ноября 2011 г. премьер-министр Ё. Нода выступил с заявлением о намерении Японии присоединиться к переговорному процессу, указав на то, что это будет способствовать экономическому подъему страны и в конечном счете благотворно скажется на положении дел в пострадавших от стихийного бедствия районах [24, 11.11.2011].

В пользу подключения к партнерству свидетельствует и возможность вынести чувствительные группы товаров в рамках ТТП за скобки тарифного регулирования. Это дает Токио определенное пространство для маневра, позволяя учитывать интересы фермеров при определении тарифных ставок. Однако не меньшее, а возможно, и большее значение имеют для Японии геополитические соображения, в частности обретение с помощью ТТП дополнительных рычагов дипломатического давления на Пекин, который

пока рассматривает партнерство в качестве неприемлемой для себя формы интеграции [2, 15.11.2011].

Важным доводом в пользу присоединения к ТТП выступает расчет на то, что таможенная либерализация будет иметь мощный стимулирующий эффект для развития национальной экономики. Предприятия экспортных отраслей, как ожидается, получат весомые бонусы в результате отмены тарифов в странах-партнерах. Однако еще большее значение для Японии будет иметь открытие внутренних рынков, которое позволит покончить с пресловутой системой «особых интересов» и тем самым «приучит» японские предприятия к существованию в реальном пространстве международного рыночного соперничества. Опубликованные в октябре 2010 г. канцелярией кабинета министров Японии расчеты показывают, что лишь за счет участия в ТТП, предполагающем 100%-ную либерализацию тарифов и услуг, дополнительный прирост реального ВВП составит 0,48–0,65% в год, или 2,4–3,2 трлн иен в стоимостном выражении [7].

Огромные надежды японцы связывают с активизацией технологического развития, а также структурной реформой сельскохозяйственного сектора, которая будет способствовать укрупнению хозяйств и увеличит конкурентоспособность национальных производителей. Большое значение имеет появляющаяся в рамках ТТП возможность урегулировать наиболее болезненные для Токио во взаимоотношениях с партнерами по региону вопросы, связанные с торговлей услугами и интеллектуальной собственностью. На пользу Японии, страдающей от безудержного пиратства, безусловно, пойдет и укрепление в рамках группировки правовых механизмов защиты интеллектуальной собственности, которые позволят лучше охранять интересы владельцев крупнейших брендов.

Участие в блоке внесет свою лепту в решение социальных проблем, прежде всего тех, которые связаны с постарением общества и переориентацией спроса на специфические для старших возрастных категорий виды потребительского спроса. Одним из приоритетов проводимой правительством на протяжении последних лет стратегии экономического роста является использование нового окна возможностей, которое таит в себе «стареющее общество». Помимо внутренних аспектов данной проблемы большое внимание привлекают к себе внешнеэкономические факторы, связанные с участием страны в региональных интеграционных процессах. Так, унификация стандартов медицинского обслуживания позволила бы Японии с большей эффективностью выходить на рынки стран-партнеров с передовыми технологическими разработками и различными видами продукции, например, в области медицинского обслуживания и сестринского ухода за пожилыми людьми.

Таким образом, Транстихоокеанское партнерство в Японии стали рассматривать в качестве шага по преодолению экономической депрессии, связанной с крайне слабым внутренним потребительским спросом, а также обострившимися в «стареющем обществе» социальными проблемами. В случае присоединения к партнерству Японии, являющейся третьей после США и Китая экономикой Азиатско-Тихоокеанского региона, ТТП приобретет качественно иную характеристику, становясь в полной мере прообразом тихоокеанской ЗСТ. В результате можно ожидать, что стремление к членству должны проявить гораздо большее число стран Тихоокеанского бассейна. С этой точки зрения подключение Японии к ТТП, несомненно, ознаменует собой качественный скачок в направлении превращения группировки из периферийного экономического блока в структуру экономической интеграции глобального значения.

Расширение числа участников формата за счет «экономического тяжеловеса» в лице Японии позволит дать новый импульс развитию всей мировой экономики и станет важным шагом в борьбе с последствиями глобального финансово-экономического кризиса. Особенно «история со счастливым концом» — создание эффективной действующей структуры экономической интеграции в АТР — имела бы большое психологическое значение как фактор в пользу интеграции в разгар европейского долгового кризиса, который поставил под сомнение «кредитоспособность» европейской интеграционной модели.

В то же время весомыми выглядят и аргументы противников членства в ТТП. Они делают акцент на том, что партнерство на данный момент является структурой, ограниченной по числу участников и охвату субрегионов и потому не имеющей оснований претендовать на статус всеобъемлющей ЗСТ АТР. Действительно, многие ключевые акторы азиатско-тихоокеанского экономического пространства либо заявили об отказе присоединиться к переговорам, как это сделали Китай и Южная Корея, либо не продемонстрировали никаких признаков заинтересованности (Индонезия и Таиланд). Повод для сомнений вызывает и неравноценность экономических потенциалов стран-участниц, среди которых наряду с гигантами в лице США присутствуют и такие относительно мало значимые в экономическом отношении страны, как Бруней и Чили. Многие указывают на то обстоятельство, что если Япония присоединится к ТТП в его нынешнем составе, то в совокупном объеме ВВП блока более 90% будет приходиться на две страны — Японию и США, а это, по сути, превратит ТТП в модификацию японо-американского договора о ЗСТ.

Часто приводят аргумент, что участие в группировке само по себе неспособно дать какой-то особенный импульс японской экономи-

ке, основанный на использовании эффекта либерализации. Импортные тарифы в США – главном потенциальном партнере Японии по блоку – и так находятся на достаточно низком уровне. Например, таможенный тариф США на легковые автомобили составляет 2,5%, на подшипники – 9% [24, 21.10.2011]. В этих условиях трудно ожидать существенного роста японского промышленного экспорта в Соединенные Штаты даже после полной отмены тарифов.

Участие в партнерстве может нанести сильный удар по аграрному сектору японской экономики. При этом отличие от предыдущих соглашений о свободной торговле, в которых предусматривались существенные изъятия в отношении «чувствительных товаров», ТТП мыслится как всеобъемлющий торговый пакт, не терпящий никаких исключений. Предполагается, что подавляющее большинство импортных тарифов должно быть устранено немедленно, а исключения в отношении «чувствительных товаров» – в течение 7 лет с момента вступления в партнерство. Полная отмена пошлин наряду с прекращением государственного субсидирования закупочных цен на рис (эти меры Япония будет вынуждена реализовать под давлением действующих в рамках ТТП правил) неизбежно приведет к разорению значительной части фермеров и сделает страну уязвимой в случае чрезвычайных обстоятельств. По подсчетам Министерства сельского, лесного хозяйства и водного промысла Японии, в случае присоединения к ТТП уровень самообеспеченности страны продуктами питания (в калориях) сократится с 39 до 13% [24, 21.10.11].

Особенно серьезный удар по национальному сельхозпроизводству прогнозируется в свете того, что США являются одними из ведущих мировых экспортеров сельхозпродукции. Критики указывают не только на прямые потери для национальных сельхозпроизводителей от наращивания американцами продовольственного экспорта в Японию, но и на опасность, связанную с возможностью ослабления фитосанитарного и иных видов таможенного контроля качества сельхозпродукции. Многие в Японии опасаются, что США воспользуются дополнительными правами, например, для продавливания решения о полной отмене действующих ныне ограничений на импорт американской говядины, введенных ранее японским правительством в связи с обнаруженными в Соединенных Штатах случаями коровьего бешенства. Другое опасение связано с тем, что американцы будут добиваться полного запрета на экспорт Японией китового мяса – традиционного продукта морского промысла в ряде регионов страны, включая пострадавшие от землетрясения префектуры.

Не приходится ожидать и какого-либо специфического мобилизационного эффекта от открытия рынков. По данным газеты «Йо-

миури», средний импортный тариф в Японии составляет 2,6% – ниже, чем в США. Даже средний импортный тариф на сельхозпродукцию в размере 12%, конечно, выше, чем в США (6%), однако существенно уступает ЕС (20%). В этой связи главный аргумент сторонников присоединения к ТТП о том, что либерализация подстегнет национального производителя, оказывается лишним большим практическим смыслом [24, 21.10.2011].

Дополнительными поводами для беспокойства в Японии являются неизбежное для страны в условиях членства в ТТП ослабление регулирующей роли государства, усиление присутствия зарубежных поставщиков товаров и услуг в социально значимых отраслях экономики и как следствие – существенное снижение требований к стандартам безопасности в социальной сфере и рост социальной незащищенности широких слоев населения. Многие полагают, что США немедленно воспользуются возможностями партнерства для активизации своего доступа на фармацевтический рынок, а также рынки страховых, медицинских, транспортных и почтовых услуг, что в конечном счете может привести к банкротству национальных компаний.

Негативный эффект прогнозируют и для национального рынка труда. Один из наиболее критикуемых аспектов участия в ТТП – взаимное признание различных видов прав, лицензий и иных видов квалификационных документов на ведение профессиональной деятельности. Многие в связи с этим опасаются, что в страну, пользуясь указанными послаблениями, хлынут толпы иммигрантов, в результате чего обрушится рынок рабочей силы и обострится проблема безработицы. Кроме того, дерегулирование рынка труда неизбежно приведет к снижению требований в отношении соблюдения норм трудового законодательства и безопасности на производстве.

Оптимизм по поводу положительного для экономики страны эффекта либерализации торговли сдерживается также трезвой оценкой макроэкономических последствий от удорожания иены. Многие эксперты указывают на то, что дорогая иена не позволит Японии в полной мере воспользоваться снижением тарифов, делая экспортную продукцию неконкурентоспособной.

В связи с необходимостью организации восстановительных работ после «тройного бедствия» 11 марта 2011 г. противники вступления Японии в ТТП акцентируют внимание на том, что либерализация внешнеэкономических связей, чреватая «шоковым эффектом» для экономики страны, в нынешних условиях не вполне отвечает требованиям момента.

Внутриполитическая ситуация в Японии в целом не способствует активному продвижению идеи участия в партнерстве. Прак-

тически во всех партиях, включая обе «системные» – правящую ДПЯ и оппозиционную ЛДП, наблюдается отсутствие единства мнений, не позволяющее консолидировать позицию в виде однозначного партийного решения. Свою поддержку присоединения к ТТП выразила лишь относительно небольшая Партия всех [23]. Наличие в правящей Демократической партии влиятельной группировки противников партнерства не позволяет премьер-министру, настроенному позитивно в отношении идеи присоединения, начать предпринимать активные практические шаги в направлении членства. К тому же в 2012 г. скептицизм по поводу подключения Японии к партнерству высказали некоторые американские политики (например, кандидат в президенты США от Республиканской партии М. Ромни, сенатор Ш. Браун и др.), лоббирующие интересы американских автопроизводителей [33].

Тем не менее официальная позиция Токио по отношению к ТТП является в целом позитивной. 11 ноября 2011 г. премьер-министр Ё. Нода выступил на саммите АТЭС в Гонолулу с заявлением о намерении Японии присоединиться к переговорному процессу по вступлению в партнерство. Ё. Нода подчеркнул: «Будучи страной, выживание которой зависит от внешней торговли, Япония должна поставить себе на пользу потенциал экономического роста, имеющийся в АТР» [9, 12.11.2011]. Однако, учитывая изложенные аргументы «против», ожидать форсирования процесса присоединения к переговорам по ТТП со стороны Токио пока не приходится. Вероятно, приоритет на данном этапе будет отдан двустороннему ССТ с Австралией, которое станет первым преференциальным соглашением с крупнейшим поставщиком продовольственной продукции на японский рынок. Данное соглашение рассматривается в качестве своеобразного «полигона» для оценки последствий либерализации тарифов для внутреннего рынка.

Что же выберет Япония?

В подходе Японии к Транстихоокеанскому партнерству немалую роль играют интересы военно-стратегического союза с США. Поскольку Токио рассматривает активную роль Вашингтона в продвижении ТТП как попытку «возвращения» Соединенных Штатов в Азию, участие в партнерстве оценивается им не только в категориях внешнеэкономических связей, но и в контексте союзнических отношений с Америкой.

Вместе с тем в Японии хорошо понимают, что односторонняя ставка на сотрудничество с США при сохранении пассивности на других фронтах азиатской экономической интеграции может нанести ущерб отношениям с Китаем, который превратился в клю-

чевого внешнеторгового партнера Японии. В этой связи на повестку дня вышел вопрос об участии в различных интеграционных форматах в АТР, включая «АСЕАН + 6», «Большую тройку», а также двустороннее ССТ с Австралией. Особое значение в этом ряду японцы придают «Большой тройке», на которую возлагают надежды с учетом высокого удельного веса Японии, Китая и Южной Кореи в азиатской экономике.

Политика Токио в отношении регионализма свидетельствует о его желании сыграть на противоречиях между США и Китаем, используя вопрос о своем членстве в ТТП и «Большой тройке» в качестве средства дипломатического давления на партнеров. В отношении КНР эта тактика уже приносит конкретные плоды. Япония активно педалирует тот факт, что Пекин заинтересован в сдерживании развития ТТП, считая партнерство геополитическим проектом США. Китай пошел на трехстороннее инвестиционное соглашение, в котором он был изначально не заинтересован, во многом под давлением информации о скором подключении Японии к Транстихоокеанскому партнерству. В качестве средства «умиротворения» Токио Пекином можно расценить и то обстоятельство, что КНР в последнее время проявляет гораздо больший интерес к формату «АСЕАН + 6», который считается, скорее, японским проектом.

Между тем и сам Китай не гнушается тактики игры на противоречиях. Так, в начале мая 2012 г. Сеул и Пекин объявили о начале переговоров по подготовке двустороннего ССТ, что многие расценили как сигнал для Токио (в Японии опасаются, что в случае подписания такого соглашения между Китаем и Южной Кореей японские автомобили и иные высокотехнологичные товары окажутся в невыигрышном положении по сравнению с корейскими).

Что касается Соединенных Штатов, то факты прямого давления на них со стороны Японии с помощью аргумента «Большой тройки» привести пока трудно. Однако в Токио, безусловно, есть влиятельные силы, которые остро чувствуют, что односторонняя ориентация на ТТП приведет к чрезмерной зависимости Японии от США и существенно ограничит ее свободу рук на международной арене. Примечательно, что во многих комментариях и аналитических материалах японских СМИ, посвященных экономическому регионализму, Америка нередко выступает в качестве соперника, которого следует опасаться, пусть и в ином смысле, нежели Китая. Выражая точку зрения этой части внешнеполитического истеблишмента, газета «Йомиури» отмечала: «Встраивание Японии в многосторонние форматы экономической интеграции может сдерживать США от агрессивного поведения на переговорах по ТТП» [9, 20.11.2011]. По мнению японской газеты «Асахи»,

прогресс в продвижении внешнеторговых соглашений с азиатскими странами «дает Японии достаточно действенный козырь в ее переговорах с Соединенными Штатами о ТТП» [2, 15.11.2011].

В Токио понимают, что Транстихоокеанское партнерство совершенно не обязательно станет единственным маршрутом на пути продвижения к ЗСТ АТР и что в обозримом будущем ни одна из созданных в регионе многосторонних группировок экономической интеграции не будет преобладающей. На этом фоне сильные позиции получила точка зрения, согласно которой значимого для страны результата можно достичь лишь в том случае, если она станет проводить политику параллельного развития всех преференциальных торговых соглашений, не отдавая безусловного приоритета ни одному из них.

Таким образом, в выборе дальнейшей стратегии на повестку дня выходит поиск некоего компромиссного варианта, предполагающего одновременное подключение к нескольким форматам и параллельное развитие отношений с максимальным числом партнеров (стратегия «и/и» вместо стратегии «или/или»). Для Токио такая концепция вполне укладывается в традиционную логику политики «открытого регионализма», которой он придерживается на протяжении последних двух десятилетий. Иными словами, перед японской дипломатией стоит двуединая задача – попытаться дать с помощью ТТП новый импульс отношениям с США и одновременно продолжать укрепление связей с азиатскими странами участием в многосторонних форматах экономической интеграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азиатский многоугольник: конфликтность и потенциал интеграции. М., 2007.
2. Асахи симбун.
3. Байков А. «Интеграционные маршруты» Западно-Центральной Европы и Восточной Азии [Электронный ресурс] // Международные процессы Online [Официальный сайт]. 2008. Т. 6. № 1 (16). URL: <http://www.intertrends.ru/fifteen/001.htm> (дата обращения: 30.07.2012).
4. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации. М., 2010.
5. Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом. М., 2004.
6. Дайникай синсэйтё сэнряку дзицугэн кайги. Кан сори сидзи [Второе совещание по вопросам реализации новой стратегии экономического роста. Выступление премьер-министра Н. Кан] [Электронный ресурс] // National Policy Unit [Официальный сайт]. URL: <http://www.npu.go.jp/policy/policy-04/pdf/20101008/sankou04.pdf> (дата обращения: 30.07.2012).
7. ЕРА-ни кансору какую сисан [Расчеты по вопросам, касающимся участия Японии в СЭП]. Канцелярия кабинета министров, 27 октября

2010 г. [Электронный ресурс] // National Policy Unit [Официальный сайт]. URL: <http://www.npu.go.jp/policy/policy08/pdf/20101027/siryu2.pdf> (дата обращения: 30.07.2012).

8. *Ильшев А.В.* Внешняя политика Японии в период мирового финансово-экономического кризиса // *Мировой кризис и Япония*. М., 2009. С. 238–246.

9. Йомиури симбун.

10. *Костюнина Г.М.* Регионализация Восточной Азии: истоки и основные модели [Электронный ресурс] // *Вестник МГИМО-Университета Online* [Официальный сайт]. 2011. № 1. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/files-server/16/04_kostunina.pdf (дата обращения: 30.07.2012).

11. *Костюнина Г.М.* Современные концепции формирования зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2011. № 6. С. 31–42.

12. Майнити симбун.

13. *Нихон-но Хигаси адзиа косо* [Японские концепции Восточной Азии] / Ред. С. Ёсихидэ, Т. Масаюки. Токио, 2004.

14. *Носова И.* «Азиатский разворот» во внешнеполитическом курсе Японии (2009–2010) // *Япония после смены власти*. М., 2011. С. 129–143.

15. *Старран Н.В.* Политика Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе // *Внешняя политика Японии: история и современность*. М., 2008. С. 173–189.

16. *Стрельцов Д.В.* Case-study: Регион Восточной Азии в мировых политических и экономических процессах // *Сравнительная политика*. 2010. № 2. С. 72–86.

17. *Стрельцов Д.В.* Япония и «Восточноазиатское сообщество»: взгляд со стороны // *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 2. С. 57–66.

18. *Суслина С.* Новое интеграционное трио в мировой экономике [Электронный ресурс] // *Российский совет по международным делам* [Официальный сайт]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=459#top (дата обращения: 30.07.2012).

19. *Тэрада Т.* Восточноазиатский регионализм и Япония: формирование понятий региона и инициативы по их закреплению // *Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе*. М., 2009. С. 134–159.

20. *Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии*. М., 2007.

21. *The Diplomatic History of Postwar Japan* / Ed. by M. Iokibe. L., 2009.

22. *The Evolution of Regionalism in Asia: Economic and Security Issues* / Ed. by H. Dieter. L.: Routledge, 2008.

23. *George-Mulgan A.* Why Japan is Lagging on the TPP [Electronic resource] // *East Asia Forum* [Official website]. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2012/05/30/why-japan-is-lagging-on-the-tpp/> (accessed: 30.07.2012).

24. *The Japan Times*.

25. *Japan's Future in East Asia and the Pacific* / Ed. by M. Pangetsu, L. Song. Canberra: Asia Pacific Press, 2007.

26. *Japan's International Relations: Politics, Economics and Security* / G.D. Hook et al.; 2nd ed. L.: Routledge, 2007.

27. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Basic Policy on Comprehensive Economic Partnerships. November 6, 2010. Ministerial Committee on Comprehensive Economic Partnerships [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Japan [Official website]. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/economy/fta/policy20101106.html/> (accessed: 30.07.2012).

28. Network Power: Japan and Asia / Ed. by P.J. Katzenstein, T. Shiraishi. Cornell University Press, 1997.

29. *Samuels R.* Securing Japan: Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. Cornell University Press, 2007.

30. *Solis M.* Japan and East Asian economic Regionalism: The Routledge Handbook of Japanese Politics. L.: Routledge, 2011. P. 297–308.

31. *Tanaka H.* Japan's Policy for East Asia // *Asia Pacific Review*. November 2007. Vol. 14. № 2. P. 30–44.

32. *Terada T.* Northeast Asia's Eternal Triangle is Really an American Affair of Sorts [Electronic resource] // East Asia Forum [Official website]. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2012/07/18/northeast-asia-s-eternal-triangle-is-really-an-american-affair-of-sorts/> (accessed: 30.07.2012).

33. *Wallace C.* Why the TPP Will Not be Noda's Next Big Challenge [Electronic resource] // East Asia Forum [Official website]. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2012/07/16/why-the-tpp-will-not-be-noda-s-next-big-challenge/> (accessed: 30.07.2012).